

русской литературы XVII в., которую можно назвать передовой, бывшей уделом преимущественно верхних классов русского общества, как преимущественных носителей этой передовой по направлению литературы. В то же время, как и в других отношениях, в русском обществе и его литературе яснее прежнего обнаруживается классовая или, по крайней мере, групповая дифференциация или расслоение, в котором мы имеем возможность уже более определенно выделить не только высший слой, но и другие. В числе этих групп намечается группа средних и низших классов грамотных людей, интересующихся и культивирующих литературу; к ней относились низшее духовенство, может быть, монашество, городское купечество, служилые люди, грамотное крестьянство. Сдвиг по направлению к Западу в этой среде выражается не одинаково и не в одинаковой степени; они в различной степени идут навстречу новому направлению, различно к нему относятся, начиная с горячих сторонников новизны и кончая старообрядством. Вот в этой-то среде, как мне представляется, можно наметить, в свою очередь, одну меньшую группу, которая, тесно связанная в своих литературных интересах с предшествующим временем (как впрочем и вся литература половины XVII в.), но не примыкающая открыто к новизне, в то же время реагирующая на оживление литературного движения половины века, создает в области поветствовательного жанра нечто своеобразное, совершает в своем кругу также сдвиг, но по характеру иной, нежели простое обращение к Западу, и вносит таким образом несколько черт для характеристики литературы средних и низших классов и в XVII столетии, давая возможность понять в ней те черты, которые до сих пор оставались не достаточно ясными. Эта группа, под влиянием общего перелома, вызванного западным течением в жизни и литературе, вырабатывает свое отношение к материалу, представляемому литературой старшего периода, в то же время лишь слабо отражая новое направление, но зато, черпая свои особенности из иных источников; вместе с тем она вырабатывает или, по крайней мере, пытается выработать — свои формы, свою стилистику, отличные от остальных. Это-то свое, мне кажется и можно в некоторой степени определить на основании анализа нескольких повестей половины XVII в., а в том числе и на основании ознакомления с теми двумя малоизвестными повестями, о которых мною и предлагается ниже несколько замечаний и сопоставлений с другими повестями приблизительно того же времени.

Среди рукописей собрания В. М. Ундольского (в Гос. Публ. библ. им. Ленина в Москве) есть две небольших мало известных повести (№№ 942 и 943 в 4-ку, на 7—8 листках каждая), обе одной рукой, скорописью се-